

УДК 008+39

А. Г. Кайманаков

**ОБРАЗ ЗВЕРЯ В ТРАДИЦИОННОМ РЯЖЕНИИ (В ПОМОЩЬ
ПРЕПОДАВАТЕЛЮ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ)**

У восточных славян, так же, как и у большинства индоевропейских народов, традиционная культура находится в известной зависимости от оппозиции мужского и женского в ритуале и обычае. В сравнении с женским, мужской аспект, в празднично-обрядовой культуре, изучен не достаточно полно.

Сконцентрировав внимание на проблеме мужского компонента в русском фольклорном театре, а конкретно – на традиционном ряжении, мы обнаружили многочисленные следы некогда широко распространенной мужской артельной, боевой культуры. Для традиционной мужской культуры вообще, характерно воинское смысловое содержание и боевая направленность. Корни этого явления находятся в глубокой древности, когда мужской союз охотников-воинов выделяется из среды родичей. В его задачи входит обеспечение своей общине защиту от нападений врагов и добычу с охоты. Внутри такого союза культивируются и получают развитие определенные навыки. Это, прежде всего, навыки необходимые охотнику – выслеживание добычи, искусство маскировки, способы передвижения, приемы обострения интуиции, умение владеть оружием. У воинов древности охота была

не только промыслом, но и забавой, средством поддержания необходимой боевой готовности.

Внутри этого круга постулируется определенное мировоззрение, определяется понимание воинского пути, здесь же складывается образ боевого зверя-союзника, охотящегося хищника, вожака стада. Человек не переставал восхищаться боевыми качествами животных, учился у них способам охоты и приемам ведения боя. Отдельный охотник, а тем более объединенная группа, довольно легко и точно могли перенимать способы боя и манеру движений любимого зверя.

Зачастую образ боевого зверя становился эмблемой вождя (князя), и его дружины. Здесь речь не идет о тотемизме, о поклонении зверю, а о звересимволе, повадки которого изучены и применяются в своих целях. Такое мировосприятие проявляет себя и в современном мире. Например, нарукавные эмблемы различных войсковых округов: медведь, грифон, конь, или знаки подразделений специального назначения – летучая мышь, морской котик.

Периодически этот союз демонстрирует себя во время праздничных обрядов – время, которое можно определить как священное, ибо оно связывается с тем или иным религиозным праздником. Наиболее выразительные образцы таких проявлений мужской обрядности традиционно связаны с праздниками зимне-весеннего календарного цикла, это святки и масленица. Проиллюстрировать такое утверждение можно на примерах обычая мужского ряжения, применявшегося в этот период. Сейчас мы не будем останавливаться на традициях женского и детского колядования и ряжения, но заострим внимание на мужском (артельном) компоненте, который является, на наш взгляд, наиболее наглядным и характерным для обрядов святочно-масленичного периода.

Образы персонажей ряжения довольно многочисленны. В сводном каталоге исследователи приводят около двухсот их наименований [1, с. 213]. Для нашего же исследования наиболее интересны образы животных и тех существ, которые олицетворяют связь с загробным миром.

Животный мир представлен довольно распространенными образами волка, медведя, козы, быка, журавля. Приемы маскировки включают в себя использование вывернутых мехом наружу овчинных шуб, либо звериных шкур. Волчья шкура набрасывалась на голову и спину, передние лапы заправлялись за пояс, а хвост и задние лапы свободно свисали. Лицо в таком ряжении раскрашивалось сажей, либо его прикрывала маска из шкуры. Чудили на святки и в выделанных медвежьих и в лисьих шкурах. Очевидно что, вывернутая шуба является эквивалентом звериного образа. В костюме ряженных, исполнителей народных драм и интермедий, этот элемент фиксируется довольно часто.

Рассматривая действия ряженных, можно сделать вывод о том, что значительное место в их поведении принадлежит хореографическому компоненту. Очень часто поведение окрутников* характеризуется словами «пляшут» и «скачут». Исполнители народной драмы появляются в избе с пляской и, танцуя по кругу, организуют себе сценическое пространство, пляской же и заканчивают представление. Компонент этот весьма значим для понимания мужского ряженья, и на нем стоит остановиться подробнее.

В общей атмосфере ритуальных действий ряженных плясовой пласт представлен множеством конкретных форм и различных смысловых граней. По наблюдению ряда исследователей, вербальная сторона действия в ряжении выражена слабее, нежели пантомимическое начало, которое в большинстве случаев явно преобладает. Пантомима же во многом как раз и держится на хореографических приемах.

Большое количество плясовых форм, так или иначе, было связано с кругом. Хороводы, которые затевали ряженные, могли быть смешанными или только мужскими. Часто использовались парные и сольные хореографические формы. Яркие и выразительные, они дают представление о мужском боевом элементе в плясе ряженных.

Как уже говорилось, пляска заводилась в кругу. Вышедший плясать старался показать все свое умение и изобретательность. Это был своеобразный «театр одного актера»: танец оказывался здесь рамкой представления, оно начиналось и заканчивалось пляской. Для таких сольных пластических фантазий характерны всевозможные «вихляния», в которых участвует корпус, руки и голова, верчения и кувырки, а также контрастное сочетание «угловатых движений» и «преотчетливых» движений ногами; в них словно бы утрачено человеческое начало, они намерено оживотнены.

В боевом плясе, принятом во время ряжения, можно отчётливо различить движения – подражания животным, в сущности, тем самым, в обличье которых обряжались. Характерны и названия коленцев в танце: «пройти петухом», «прыгнуть соколиком», «пойти горбатым» (так называют медведя, лося), «набычиться», «собакой», «волчком». Большинство этих движений динамически описывают особенности поведения этих животных. Например, «птичьи» движения пляшутся с расставленными в стороны руками и напряжёнными выпрямленными пальцами (кстати, у кулачных бойцов бытовало выражение «ударить с крыла»), крутиться волчком – повторять движения волка, старающегося забежать за спину жертве. Конь, лось и бык бьют копытами в землю, в танце это изображается притопами, рога изображаются поднятыми вверх руками. Возможно, что рукоплесканием, «хлопками», передаётся хлопанье крыльев. Очень интересная «медвежья» манера мужской пляски была зафиксирована нами в Новосибирской области от П. И. Алексеева. Пляшущий повторяет покачивания медведя, движения

* окрутники – местное название ряженных

«вразвалочку», руки изображают лапы с когтями, он условно обозначает удары по воздуху, приседает, подскакивает. Подобные движения, содержащие боевую смысловую нагрузку, характерны именно для мужчины, женщина так плясать не станет.

Ролевое перевоплощение ряженных находит продолжение и в их манере разговаривать. Многие исследователи отмечали, что у окрутников существует свой особый язык. Они рычат, воют во время пляса как звери, свистом подают условные сигналы, говорят на непонятном языке, используют прием разговаривания на вдохе, рычат, хлопают в ладоши во время пляса. С участниками вечерки ряженные говорили «по святошному» – измененным голосом: «...они гудят, рычат почти утробными голосами, баяют, или наоборот, пищат, верещат, что есть силы визжат. Их речь бывает к тому же лишена достаточной членораздельности. Ряженный помещает во рту гребень, пуговицу или камешек, и они расщепляют его голос, делают дикцию необычайно смазанной» [2, с. 40]. Способ общения на арго (условный язык) был характерен для воинских союзов. Здесь можно привести пример спартанского лаконизма и иносказательности, шифрованных текстов разведчиков, паролей. В кругу кулачной артели такие способы также практиковались.

В действиях и речи окрутников хорошо заметны черты существа, не принадлежащего к миру деревни, чужака, живущего по иным, не человеческим нормам поведения.

Обратившись к сказочному материалу, мы увидим, что сказка сохранила отголоски особого отношения к умению плясать. Умение это относится к хитрой науке, а корни этого знания лежат в контактах с иным миром. Сравнивая сказку с обрядом инициации, В. Я. Пропп подчеркивает, что в целом она утратила представление о пляске как о магической способности, приобретаемой в лесном доме. Однако отдельные следы таких представлений в ней все-таки найти удастся. Этот мотив он отмечает и в материалах Ф. Боаса: «здесь есть случаи, когда герой отправляется в «иное царство», возвращаясь домой, он приносит оттуда пляски, которым обучает свое племя» [3, с. 105].

В древней Греции, на острове Делос, во время праздника Аполлона, юноши исполняли «журавлиную пляску» вокруг алтаря, сложенного из рогов жертвенных животных. По преданию, этой пляске мужчин обучил Тесей, когда, победив Минотавра и покинув Лабиринт, он возвратился с острова Крит домой [4, с. 78].

Обряды ряженных играли важную роль в становлении, сохранении и дее-способности мужского русского обычая, они сохранялись в весьма полном виде до второй половины двадцатого столетия. Смысл многих ритуальных актов к этому времени был уже утрачен, но сами действия сохраняли свою последовательность и составляющие в силу инерционности традиционного мышления.

Танцы, имитирующие передвижения и повадки животных, зародились в глубокой древности. Они были, в первую очередь, бесписьменным способом сохранения и передачи в поколениях надёжных навыков, помогающих охотиться и сражаться. Такими они остаются и теперь, подобные движения активно используются во время тренировочного процесса в группах рукопашного боя отечественного направления.

Библиографический список

1. **Ивлева, Л. М.** Ряженье в русской традиционной культуре. / Л. М. Ивлева. // – СПб., 1994.
2. **Ивлева, Л. М.** Округи, хухляки, страшки. / Л. М. Ивлева. // Живая старина. – М. 1995. № 2.
3. **Пропп, В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. / В. Я. Пропп. // – Л., 1986.
4. **Гаспаров, М. А.** Рассказы о древнегреческой культуре. / М. А. Гаспаров. // – М., 1995.